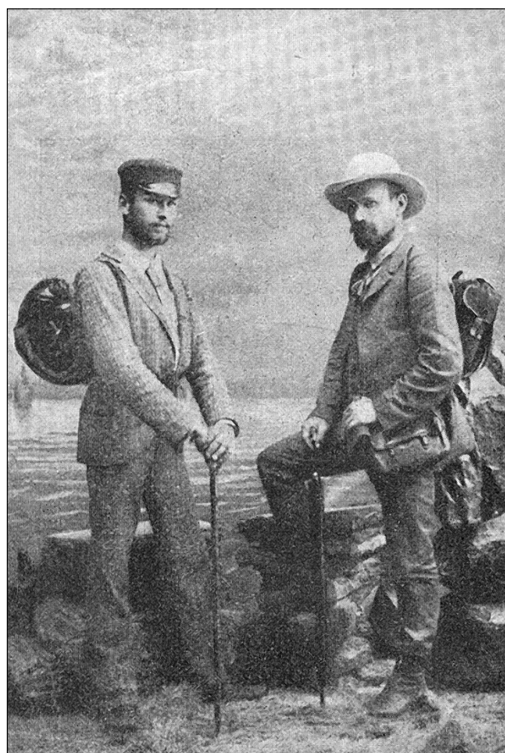

И. А. Бодуэн де Куртенэ и национальный вопрос

И. А. Бодуэн де Куртенэ (справа) во время этнографическо-лингвистической экспедиции. Северная Италия, 1892 г. *Wiedza i Życie*. — 1929. — № 6. — S. 6.

Научное наследие выдающегося польского и российского ученого-лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ подробно исследовано во многих работах. Его теоретические изыскания, во многом опередившие западноевропейское языкознание, были развиты в трудах многочисленных его учеников и последователей, в том числе учеников основанной им Казанской лингвистической школы — Н. В. Крушевского, В. В. Радлова, В. А. Богородицкого, А. И. Анастасиева, А. А. Царевского и др.

Но Бодуэн де Куртенэ оставил также множество публицистических работ, которые в настоящее время оказались прочно забытыми. Кроме того, большая часть публицистики написана на польском языке и никогда не переводилась на русский. Основная ее тематика относится к так называемому национальному вопросу, который не потерял своей актуальности и представляет интерес для социологов, политологов, культурологов и других специалистов гуманитарных наук.

В начале своей научной карьеры И. А. Бодуэн де Куртенэ много путешествовал по провинциям Северной Италии, населенным славянскими народами. Он не только досконально изучил их наречия, но и прекрасно представлял их общественное и экономическое положение, которое было далеко не идеальным. Непомерные налоги, ограничение в использовании родного языка в обучении и распространении национальной литературы, нарушения гражданских прав обосновывались итальянскими властями мнимой угрозой «панславизма», несостоятельность которой убедительно показал Бодуэн де Куртенэ в своей статье «К вопросу о взаимопонимании славянских народов» (Варшава, 1908).

Тяжелым было положение славян и особенно поляков в прусской Германии. «Железный канцлер» Бисмарк и его последователи открыто проводили курс на «выдавливание» польского населения с его исконных земель. Делалось это с помощью принятых законов. О дискриминации поляков в Прус-

сии и о последствиях такой неразумной национальной политики Бодуэн де Куртенэ с глубокой горечью поведал в статье «Цензурные мелочи. Князь Бисмарк и гонения славян» (Краков, 1898).

Относительно благополучным было положение славян в Австро-Венгерской империи, где славянским народам предоставлялось право национальной культурной автономии. Бодуэн отмечал стремление Сербско-Хорватского Союза войти в федерацию с Австро-Венгрией. При проведении разумной политики Австро-Венгрия могла бы стать таким же образцовым федеративным многонациональным государством, как Швейцария или США. Но экспансионистская империалистическая политика Габсбургов привела к мировой войне, которая закончилась прямо противоположным результатом, а именно — распадом империи и образованием ряда независимых государств.

Хорошо представлял Бодуэн де Куртенэ положение национальных меньшинств, или так называемых «инородцев», в России. «Польскому», «еврейскому», «украинскому», «прибалтийскому» вопросам он посвятил ряд статей, написанных в конце XIX — начале XX в. Наибольшую известность получила брошюра «Национальный и территориальный признак в автономии» (СПб., 1913), за которую он подвергся судебному преследованию и трехмесячному заключению в Санкт-Петербурге в 1915 г.

После переезда из Санкт-Петербурга в Варшаву в 1918 г. Бодуэн де Куртенэ переписывался со своим учеником, профессором Казанского педагогического института В. А. Богородицким и присылал ему польские журналы, где были опубликованы его статьи. Переписка продолжалась до кончины Бодуэна в 1929 г. После кончины В. А. Богородицкого в 1941 г. его большая библиотека согласно воле ученого была передана в Казанский педагогический институт (ныне Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет). В настоящее время фонд Богородицкого хранится в отделе редких книг библиотеки университета.

В этот фонд входят книги, журналы и оттиски статей Бодуэна де Куртенэ, переданные им в разное время Богородицкому. Общее число единиц хранения бодуэновской части фонда Богородицкого составляет 94 единицы. Публицистические работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, хранящиеся в фонде библиотеки, особенно относящиеся к польскому периоду начиная с 1918 г., являются настоящей библиографической редкостью.

Темы публицистических выступлений Бодуэна де Куртенэ, кроме так называемого национального вопроса, касаются также проблем взаимоотношений личности и общества, государства и церкви, вопросов обеспечения мира в послевоенной Европе.

Возвратившись после Октябрьской революции, которую он решительно не поддерживал, на свою родину — в Польшу, Бодуэн де Куртенэ принимал активное участие в общественно-политической жизни страны, обретшей долгожданную независимость. Он стал деятельным участником польского отделения Международного общества свободной мысли, читал публичные лекции на злободневные темы в разных городах. Его острые публицистические статьи печатались в столичной и провинциальной прессе. Кандидатуру Бодуэна де Куртенэ от организаций национальных меньшинств даже выдвигали на пост президента Польши на выборах 1922 г. Конечно же, этот факт являлся лишь выражением благодарности за поддержку прав угнетаемых народов, поскольку 77-летний ученый, не располагавший политическим и административным опытом, вряд ли имел серьезные шансы быть избранным на такой высокий пост. В январе 1925 г. Бодуэн де Куртенэ принял предложение возглавить редакцию журнала «Myśl wolna» (Свободная мысль). В своей статье, написанной в связи со вступлением в эту должность, он делает характерное признание: «Принимая на себя обязанности подписывать “Свободную мысль” в качестве редактора, [...] я откровенно признаюсь, что изменяю своей научной дисциплине, перед которой я по-прежнему имею обязательства. Из-

виняет меня до некоторой степени то обстоятельство, что благодаря войне и революции я вместе со всем своим имуществом потерял собранные в течение всей жизни научные материалы и стал лишен возможности осуществить свои замыслы обработать эти материалы и извлечь из них различные выводы. Вызывает это у меня апатию в отношении научных задач и объясняет ту легкость, с какой я принимаюсь за общественные вопросы и беру слово в профессионально чужих для меня областях»¹.

Самой крупной работой Бодуэна де Куртенэ, посвященной национальному вопросу, была опубликованная в Варшаве в 1926 г. брошюра «О национальном вопросе», представляющая собой изложение его публичных выступлений в ряде городов Польши в течение 1924 г. В брошюре, так же как и в написанной ранее в России статье «Национальный и территориальный признак в автономии», ученый-лингвист выступает не только защитником прав национальных меньшинств, но и предлагает модель устройства многонационального государства в виде территорий (в современной терминологии регионов), сложившихся в процессе исторических событий, а также в соответствии с географическими, экономическими и национальными условиями. Эти территории, по Бодуэну, должны были быть наделены широкими правами в экономической, общественной и культурной деятельности, а национальности, населяющие территории (регионы), должны были иметь одинаковые гражданские права, причем языки «нацменьшинств» должны были пользоваться одинаковыми правами наряду с языком преобладающей национальности. В подобном устройстве Бодуэн видел гарантию стабильного федеративного устройства государства, в котором не проявлялись бы центробежные сепаратистские тенденции. При этом одним из главных постулатов он считал безусловное признание права воли отдельного индивидуума на религиозное и национальное самосознание и самоопределение. Всякое покушение на свободу вероисповедания и национальное

самоопределение, по Бодуэну, является в правовом государстве преступлением против достоинства человеческой личности. Он отстаивал право человека определять свою национальную принадлежность не к одной-единственной, а к двум и даже более национальностям, а также не принадлежать ни к одной.

Современный исследователь, ученый-лингвист В. М. Алпатов отмечает много сходных позиций по национальному вопросу у Бодуэна и Ленина, а также Сталина². Например, последний в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) и Бодуэн де Куртенэ в брошюре «Национальный и территориальный признак в автономии» выступали против признания единого государственного языка. Впрочем, впоследствии и тот и другой отказались от этого достаточно утопического тезиса, но при этом, конечно же, не выступали против права пользования в культурной, общественной и других областях родными национальными языками. Но если большевики-ленинцы в своих программах выступали за право свободного выхода наций из государства, то Бодуэн говорил о решении национального вопроса в рамках федеративного устройства государства, в котором равными правами наделяются все территории (области, регионы) независимо от их этнического состава. Выход этнических территорий из многонационального государства будет сопровождаться, считал Бодуэн, кровавой бойней, так как очень трудно провести строгие этнические границы. История на примере распада Югославии и СССР более чем убедительно подтвердила этот прогноз ученого.

Явления национализма и шовинизма, разделение народов на «коренных» и «пришлых», «хозяев» и «подчиненных» и т. п. Бодуэн считал атавистическими пережитками, уходящими в те далекие времена кочевой цивилизации, когда у разных племен зародились понятия «свой» и «чужие». Эти атавизмы несут с собой серьезную угрозу. Выступая в Дерптском (ныне Тартуский) университете по случаю 100-летия его основания, Бодуэн выражал надежду,

что «бушующая теперь язва национализма минует, как и более поздние гонения за веру, и будущие поколения поймут несомненно, что раздроблять так свои силы и растрачивать их в столь бессмысленной сваре, вместо того чтобы их собирать и взаимно друг друга поддерживать и помогать друг другу, — недостойно мыслящего существа и в высшей степени губительно для культурного, этического и экономического прогресса»³.

Вместе с тем трудно согласиться с некоторыми его суждениями, связанными с фактами и реалиями русской истории, высказанными в некоторых публицистических статьях. Так, в статье «О национальном вопросе» он, тенденциозно трактуя известное выражение «Москва — Третий Рим», причисляет царскую Россию к ряду империй — «разбойничьих гнезд», по его выражению, стремящихся к мировому господству. Создатель учения «Москва — Третий Рим» инок Спасо-Елеазаровского Великопустынского монастыря Филофей не придавал и не мог придавать своему учению никакого политическо-

го смысла, а имел в виду лишь наследование Русью византийского православного учения и его святынь. Да и царское правительство, как убедительно показали отечественные историки, никогда не применяли во внешней политике теорию «Москва — Третий Рим»⁴.

Также трудно согласиться с суждением Бодуэна де Куртенэ о том, что «словами Пушкина в “Клеветникам России” был брошен дерзкий вызов всему европейскому миру»⁵. Известное стихотворение А. С. Пушкина было написано в связи с враждебными выступлениями во французском парламенте, призывавшими к войне с Россией, поводом для которой могло бы послужить Польское восстание 1830–1831 гг. Против этих «клеветников, врагов России», мечтавших о реванше за поражение 1812 г., и был направлен пафос этого стихотворения. В целом же отношение к российским историческим реалиям Бодуэна де Куртенэ характерно для русской интеллигенции либерального направления, тяготеющей к европейскому Западу и отрицающей свой собственный путь развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Myśl wolna. — 1925. — № 1. — S. 2.

2. Алпатов В. М. 150 языков и политика. — М., 2000. — С. 40–41.

3. Бодуэн де Куртенэ И. Дерпт-Юрьев. К вопросу о равноправии // В Прибалтийском крае: Эсты и латыши, их история и быт. — М., 1910. — С. 269.

4. Паламарчук П. Москва или Третий Рим? — М., 1991. — С. 29.

5. Baudouin de Courtenay J. W kwestji narodowościowej. — Warszawa, 1926. — S. 31.

Из работы И. А. Бодуэна де Куртенэ «О национальном вопросе»

Безнациональность и полинациональность

В связи с понятием осознанной национальности, основанной на самоопределении, я позволю себе затронуть вопрос о «безнациональности», «двунациональности» и даже «полинациональности». Объективно безнациональны грудные дети и дети в начале их общественной жизни. Безнациональны также индивидуумы из непросвещенного народа и равнодушные к этой проблеме. Но этого недостаточно.

При строгом соблюдении свободы совести и уважении к человеческому достоинству возможно также сознательное непричисление себя ни к какой национальности и осознанное причисление себя к двум и более национальностям.

Безнациональность близка по духу к безконфессиональности. Многонациональность же не имеет аналогов в вероисповедании, поскольку признание догматов и веры одной конфессии не согласуется с догматами и верованиями других конфессий.

Проживая на этнографическом пограничье двух национальностей или же в этнографически смешанной области, можно не только с детства говорить на двух языках, а также принимать участие в культурной жизни двух народов и чувствовать себя культурно солидарным с одной и другой национальностью и даже любить и ценить творческую культуру той и другой национальности.

По какой причине начинается борьба в душе человека, принадлежащего не только объективно, но и субъективно к двум национальным общинам, например, польской и еврейской, или польской и литовской, или как еврей или литовец ненавидит в себе поляка, или как поляк ненавидит в себе еврея или литовца? Только такие омерзительные времена, как наши, могут вызывать у людей такие трагичные борения в собственных душах.

Прекрасно разрешил этот вопрос один сапожник из Яснотиня Ковенской губернии.

Летом 1885 г. я гостил там вместе с Яном Юшкевичем*, профессором казанской гимназии, заслуженным деятелем в области литовской филологии и горячим литовским патриотом, несмотря на то что дома в семейном общении он пользовался польским языком. Так вот, этому пропагандисту литовского языка и культуры местный сапожник принес заказанную обувь. Уладив житейское дело, Юшкевич обратился к сапожнику с вопросом: «Какое ты будешь племени?» («Kokies gimines esi?»). «Я — католик» («Asz esmu katolikas»), — отвечал сапожник. На это Юшкевич несколько раздраженно: «Не об этом речь, я спрашиваю: ты поляк или литовец?». Сапожник отвечает: «Я — поляк, я — литовец». «Этого не может быть, ты можешь быть либо поляком, либо литовцем». Это непонимание и недоразумение к двум национальностям со стороны фанатичного, национального доктринера человек простой, но со здравым рассудком разрешил спокойным и разумным ответом: «Говорю по-польски, говорю по-литовски» («Kalbu lietuviskai, kalbu lenkiskai»).

Таким двунациональным простым человеком был Янкель Цимбалист из «Пана Тадеуша» Мицкевича. Таким же был пылкий еврей, горячо привязанный одновременно к польскому народу из рассказа «Мендель Гданьский» Марии Конопницкой.

Я знал людей с высоким интеллектуальным уровнем, и по сознанию и по чувствуывавшим принадлежность к двум национальностям, или, точнее говоря, к двум человеческим сообществам, отличающимся от других сообществ верой, традициями и культурой.

В 1905-1907 гг., во время первой русской «революции» я познакомился в Петербурге с инженером Хиршзоном, который был родом из Варшавы. Он мне рассказывал, что, принадлежа к еврейской семье, чувствовал себя солидарным с еврейским обществом; одновременно же с молодых лет чувствовал себя поляком и считал себя поляком. Когда же волна еврейских погромов в России достигла Варшавы и когда в Варшаве начали грабить еврейские магазины, распарывать еврейские перины и подушки и вообще крушить еврейское имущество, выступил против всего польского как гонимый еврей. Переехав в дальнейшем в Петербург и наблюдая там преследования как евреев, так и поляков, вернулся снова к национальной двойности и вновь почувствовал себя евреем и поляком.

Заслуженный деятель в деле защиты равноправия всех народов России и украинского своеобразия, покойный Александр Русов утверждал, что ощущает одновременно свою солидарность с двумя национальностями: украинской и великорусской или русской.

Один из выдающихся языковедов, живший долгое время в Варшаве, писал мне, что только мои выводы о возможности принадлежать одновременно к двум и более национальностям помогли ему объяснить с этой точки зрения свое психологическое состояние. Он ощущал одновременно свое единство с немецкой и польской национальностями.

Был я также знаком с известным полиглотом доктором Зацервайном, переводчиком при Британском Библейском обществе. В своем полиглотстве он превзошел своего знаменитого предшественника кардинала Меццофанти. Немец, уроженец Ганновера, понимал 200 языков; владел же более или менее бегло, пожалуй, более чем 70 языками. На многих из этих языков он сочинял стихотворения, некоторые из них, например, на литовском языке вошли в сокровищницу соответствующей литературы. Он утверждал, что, усваивая новый язык, он приобретает новую душу. С некоторыми из народов, язык которых он усвоил и пользовался им как инструментом своего литературного творчества, соединился до такой степени, что сочувствовал их политическим устремлениям и, например, во время выборов в немецкий парламент агитировал в пользу кандидатов-литовцев в округе Тулжи и серболужичан в округе Будышине и Хочебуже. Дела притесняемых народов он за-

* Юшко-Юшкевич Ионас (1815-1886), литовский ученый, фольклорист, этнограф. Вместе с братом Антанасом собрал около семи тысяч текстов и двух тысяч мелодий литовских песен и составил большой словарь литовского языка. Член Российской академии наук. В 1876-1886 гг. преподавал в Третьей Казанской гимназии (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

щищал с таким же жаром, как свои собственные. Это был настоящий интернационалист в благороднейшем значении этого слова.

От соединения в своей душе двух национальностей, закрепленных разумом и чувством, следует отличать другие проявления, внешне похожие, но очень нездоровые с этической точки зрения. К таким проявлениям своеобразного удвоения или раздвоения относилось, например, право, даваемое немецким подданным, принятия подданства других государств, например, Российского государства, но при этом, чтобы они оставались подданными и немецкого государства. В случае конфликтов это могло бы быть проявлением «измены» либо в одном, либо в другом направлении.

Было бы злоупотреблением рекомендуемой мной «двунациональности» в благородном значении этого слова, если бы под нее подделывались русские «ташкентцы», блестяще описанные русским сатириком Салтыковым-Щедриным, которые в изменившихся обстоятельствах воплотились без всякого труда в польских «ташкентцев» и, как ранее русифицировали российских «инородцев», так сегодня они полонизируют польские «национальные меньшинства».

Равным образом возможны злоупотребления понятием «двунациональности» со стороны шпионов, служивших раньше российскому государству, а сегодня без малейших угрызений совести служащих польскому государству. Одна особа, которая в роли одного из петербургских полицмейстеров, некогда помогала министру Кассо^{*} громить и покорять Петербургский университет, после большевистского переворота поступила на польскую службу и как один из крупных полицейских сановников держала в повиновении польских «инородцев». Он мог бы сослаться на свою «двунациональность»: душа его, мол, вмещает прежний русский и сегодняшний польский характер.

В Познани и в современном польском Поморье свирепствуют личности, которые в прусские времена были рьяными хакатистами^{**}, а сегодня стали не менее ревностными польскими патриотами, членами «Лиги защиты веры и родины». Ссылки таких подозрительных личностей на их мнимую «двунациональность» были бы наглостью и издевательством. Никакие они не «двунациональные», а такие, которых итальянский язык точно заклеил словами «figure porche»^{***} или по-польски «szuyc», или «szubrawce»^{****}.

В то же время, ввиду неоспоримых и бросающихся в глаза фактов, мы должны признать объективной многонациональность некоторых местностей, населенных людьми разных национальностей, или же столиц с жителями двунациональных или многонациональных государств. Таковыми являются, например, чешская Прага, которую с национальной точки зрения можно назвать столицей чешско-немецкого края; Страсбург — французско-немецкого; Горица, Триест, Риека, Фиуме и т. д. — города итало-славянские; в Польше таковыми являются Львов, Вильно, Познань и т. д. и т. д.

При признании и сохранении сложившихся в результате различных событий политических, государственных и административных границ и для того, чтобы не вызывать призрака новой всемирной бойни, не только здравый смысл, не только чувство справедливости, но попросту простые утилитарные государственные и общественные соображения побуждают нас признать подобные двунациональность и многонациональность.

Спокойное сосуществование двух и более национальных чувств в индивидуальной человеческой душе может благоприятно отразиться на сосуществовании граждан этого самого государства и всех жителей земного шара.

Baudouin de Courtenay J. W sprawie narodowościowej. — Warszawa, 1927. — S. 26-31.

Публикацию и перевод документа с польского языка подготовил
Борис Куницын

^{*} Кассо Лев Аристидович (1865-1914), российский государственный деятель, с 1911 по 1914 г. Министр просвещения России.

^{**} Члены реакционной антипольской организации немцев, действовавшей на польских землях, находившихся под прусским господством.

^{***} С итал. дословно — свиной облик.

^{****} С польск. — подлец, негодяй, мерзавец.

